

Transformations in Contemporary Society Humanitarian Aspects. Monograph. Opole: The Academy of Management and Administration in Opole, 2017. – P. 125 – 130.

Society transformation reflected in Russian school's prose of the XX century

Отображение трансформации общества в русской школьной прозе XX века

Taratuta Svetlana, Melnik Tatiana

Таратута Светлана, Мельник Татьяна

The article studies the reflection of the transformation of society's priority in school's prose of the XX century in diachronic cut. Images of teachers, pupils and educational system as hole are researched in the context of request from the society. Comparative analysis of the novel «Geographer drank away his globe» by A. Ivanov and movie-essay «We'll Live Till Monday» by G. Polonsky is done on the level of plot's intertextuality. The conclusion is that the loss of moral guidelines in the society becomes the reason of cynicism, brutality and primitivism of school youth.

Key words: school's prose, transformation of society, allusion, moral guidelines, plot's intertextuality.

Школа, как общественный институт, является определённым срезом социальных отношений на том или ином историческом отрезке, ибо именно здесь, в школе, фокусируются наиболее важные для общества характеристики: господствующие нравственные принципы, характер доминирующей идеологии или её отсутствие, степень экономического развития государства и финансового расслоения населения, отношение к учителю и его месту в социуме, уровень воспитанности и вектор устремлённости молодого поколения. Все вышеперечисленные критерии, как правило, находят своё отражение в так называемой школьной прозе, которая получила своё наибольшее развитие в русской литературе XX столетия и продолжает развиваться и сегодня.

Школьная проза не является жанром литературы. Однако, будучи объединёнными одной темой, произведения о школе исторически имеют в русской литературе определённые доминанты. Одной из главных задач этих произведений становится наблюдение за становлением личности ребёнка в школьном коллективе. Особое внимание уделяется

противоречиям учебного и воспитательного процессов, как объективным, так и субъективным. Рассматривается традиционная парадигма: учитель – ученик – родители – школа как часть государственной системы. Вскрываются недостатки процессов обучения и воспитания, при этом произведения данной тематики обладают несомненным воспитательным потенциалом.

С отдельными образами учителей и учеников мы встречаемся ещё в литературе XVIII–XIX веков: Д. Фонвизин «Недоросль» (1782), Л. Толстой «Детство» (1852), А. Чехов «Человек в футляре» (1898) и др. Однако процесс формирования личности в школьном коллективе практически впервые можно наблюдать в «Очерках бursы» (1862) Н. Помяловского, где автор рисует образы учителей, учеников, акцентируя внимание на системе образования в контексте запросов современного писателю общества.

Наиболее интенсивно школьная проза стала развиваться в советское время. Именно в этот период на неё была возложена важнейшая функция – воспитание человека новой формации. В 20–30-х годах XX столетия появляется два наиболее знаковых произведения данной тематики. Это «Республика ШКИД» (1926) Г. Белых и Л. Пантелеева и «Педагогическая поэма» (1931) А. Макаренко.

«Республика ШКИД», пожалуй, одно из самых свободных от идеологии (которая будет играть ведущую в советской литературе, особенно детской, роль) произведение. Написанная двумя бывшими воспитанниками исправительной школы книга рассказывала о перековке вчерашних беспризорников в граждан нового государства, о роли учителей в этом процессе, о пробуждении самосознания в самих шкидцах. Позже Л. Пантелеев напишет серию «Шкидских рассказов», в которых покажет тяжёлый процесс формирования профессионального педагогического коллектива единомышленников путём проб и ошибок и отсеивания случайно попавших в школу индивидов, не имевших педагогического призвания.

Именно за педагогические просчёты и ошибки произведение было подвергнуто критике. Этого уже не встретишь в романе А. Макаренко «Педагогическая поэма», ибо он является психолого-педагогическим анализом руководителя исправительной колонии своей и чужой деятельности, её направленности и главных принципов, поведения воспитанников. Уже в этих двух произведениях на передний план выходят образы ярких личностей, подвижников и филантропов, Виктора

Николаевича Сорокина и Антона Семеновича Макаренко, их роли в подборе педагогических кадров и организации процесса обучения и воспитания. Ну и, безусловно, нарисованы яркие образы вчерашних беспризорников, ставших полноценными членами общества.

Школьная проза 1950–1980-ых годов чрезвычайно разнообразна и представлена произведениями таких, несомненно, талантливых писателей, как Н. Носов, Ю. Яковлев, А. Алексин, В. Крапивин, Г. Полонский, В. Железников и др.

При всём разнообразии сюжетных коллизий можно говорить о ряде констант для школьной прозы этого периода.

1. Школьная проза, как и практически вся литература 50–80-ых годов XX века, предельно идеологизирована. В силу этого главный герой, как правило, носитель высоких нравственных принципов, которые созвучны идеологическим установкам общества, человек с активной жизненной позицией, борец за правду и справедливость. Именно этот факт позволял говорить о мощном воспитательном потенциале данных произведений.

2. Герой школьной прозы большей частью личность рефлектирующая, анализирующая свои и чужие поступки, что делает школьную прозу литературой интеллектуальной.

3. В произведениях школьной прозы содержится оппозиция учитель-ученик. Оппозиция, как правило, носит характер нравственный, и победителем из этого поединка выходит ребёнок, который оказывается тоньше, мудрее и порядочнее своих старших наставников. Подобный конфликт встречаем в повести А. Алексина «Третий в пятом ряду» (1975), где честный, открытый и бескорыстный Ваня Белов заставляет учительницу пересмотреть своё отношение к собственному сыну, который учится в её классе. Герой повести В. Крапивина «Колыбельная для брата» (1978) Кирилл Векшин, безосновательно обвинённый в краже, демонстрирует своё нравственное превосходство как над классным руководителем Евой Петровной Красовской, которая видит в своём классе не детей со своими проблемами и переживаниями, а правофланговый отряд, так и над всеми учителями, волей случая втянутыми в конфликт. Герои повести Г. Полонского Надя Огарышева и Гена Шестопап согласно авторской концепции выходят явными победителями из конфликта с учительницей русского языка и литературы Светланой Михайловной, показанной как образец зашоренности и заидеологизированности. Герой рассказа Ю. Яковлева «А Воробьёв стекло не выбивал» (1972) в конце

концов доказывает свою невиновность и заставляет и учителей, и одноклассников признать, что правда не бывает маленькой, что она всегда большая.

4. Одной из доминант школьной прозы можно считать наличие в произведении положительного образа взрослого, который становится нравственным ориентиром для подростка и помогает на разных этапах поддержкой, советом, действием.

5. Практически в каждом из произведений данной тематики наблюдаем наличие сложной ситуации, в которую попадает подросток и для выхода из которой необходимо сделать тяжёлый нравственный выбор. Борется со взрослым равнодушием и формализмом герой рассказа Ю. Яковлева «Собирающий облака» (1963), рьяно включившийся в сбор макулатуры, поверив в лозунг «Стране нужна бумага!», а впоследствии увидевший, как плоды его труда сжигают в топке. Терпит унижение и травлю героя повести В. Железникова «Чучело» (1981), не способная доказать свою невиновность путём предательства любимого человека. Сжигает сочинения своего класса герой киноповести Г. Полонского «Доживём до понедельника» (1965), протестуя против лжи и формализма.

Трансформация общества влечёт за собой и трансформацию школьной литературы, которая, безусловно, является отображением современной ей действительности. Написанный в 1995 и экранизированный в 2013 году роман А. Иванова «Географ глобус пропил» – яркое тому подтверждение.

В отличие от школьной прозы предыдущих времён, ориентированной на детскую и юношескую аудиторию, роман рассчитан на людей более взрослых, что продиктовано некоторой откровенностью повествования и обилием жаргонной, а иногда и практически ненормативной лексики.

Главным героем произведения становится случайно попавший на педагогическую ниву Виктор Служкин, который пытается навести порядок не только в порученных ему трёх девятых классах, но и в своей надломившейся личной жизни.

В романе наблюдается ряд явных аллюзий на киноповесть Г. Полонского «Доживём до понедельника», которые, однако, существуют лишь на уровне сюжетной интертекстуальности, так как получают абсолютно иное развитие. Так, повесть Г. Полонского начинается тем, что урок молодой учительницы Натальи Сергеевны срывают, принеся на него ворону. На урок Служкина приносят собаку с тем же результатом. Однако

мотивация поступков, как и фабульное решение, различны. Если к Наталье Сергеевне класс относится хорошо, а ворону принесли просто из баловства, то Служкина яро ненавидит виновник инцидента Градусов. Если конфликт, спровоцированный срывом урока и непедагогичным поведением учительницы у Г. Полонского, в результате заканчивается полной и безоговорочной победой Натальи Сергеевны, то у А. Иванова Служкин абсолютно беспомощен в создавшейся ситуации и проигрывает поединок с зарвавшимся наглецом и всем классом.

Ещё одна аллюзия касается романа между учителем и ученицей. Но если в повести «Доживём до понедельника» ученица, ещё со школьной скамьи влюблённая в своего учителя Илью Семёновича Мельникова, уже взрослый человек и сама работает в школе, то в романе «Географ глобус пропил» это отношения взрослого человека и четырнадцатилетней девочки. Обрисовывая их в духе современности, с её явно покачнувшимися нормами, автор балансирует на грани морально-этической дозволенности, в то время как у Г. Полонского роман овеян возвышенной романтикой и решён в духе советской литературы для подростков.

В обоих произведениях присутствует внутренний конфликт между героем, отношения которого с ребятами при всех различиях всё же в обоих случаях носит демократический характер, и представителем системы, иллюстрирующим авторитарный способ общения. Интересно, что в обоих случаях это учителя литературы – Светлана Михайловна и Роза Борисовна.

При всей непохожести общие черты прослеживаются и у главных героев произведения Ильи Мельникова и Виктора Служкина. Они оба лирики, оба взыскуют идеала, оба недовольны собой, своей жизнью, тем, что и как они делают.

Никогда не изучавший педагогики Служкин, в глубине души уверенный, что изменяющаяся ежедневно география не имеет ничего общего с тем, что он преподаёт, всё же правдами и неправдами пытается вложить в головы ученикам знания по предмету.

По нашим наблюдениям, главными чертами романа «Географ глобус пропил», как произведения нового времени, являются явно трансформированные нравственные нормы в обществе и большая доля цинизма, проявляющаяся как во взрослых, так и в детях, что фактически становится приметой времени.

Служкин достаточно циничен, как продукт эпохи. Но он циник-романтик. Именно потому ему так претят цинизм, тупое безразличие ко всему и примитивизм ряда его учеников. Отношение Служкина к его ученикам проявляется уже в прозвищах, которые он даёт каждому из классов: «красная профессура», «отцы» и «зондер-команда». И всё же в отношении его ко всем трём девятым классам, где он преподаёт географию, существует нечто общее, то, что не даёт ему смириться с поражением, признать свою профнепригодность и формально подходить к своей работе: «Не могу я, как ты не понимаешь! – объясняет он своему другу детства. – Я человека ищу, всю жизнь ищу – человека в другом человеке, в себе, в человечестве, вообще человека!.. Доброта их не пробивает, ум не пробивает, шутки не пробивают, даже наказание – и то не пробивает!.. ну чем их пробить...?» [1, с. 151]. И вот благодаря диогеновскому «ищу человека» сквозь облик не умеющего зарабатывать мягкотелого человека, который любую проблему топит в водке, начинает просвечивать рефлектирующий философ, тонкий и равнодушный к чужой беде.

Илья Семёнович Мельников из «Доживём до понедельника» советовал молодой учительнице, своей бывшей ученице: «Если вам нужна их любовь, тогда дело в шляпе: они, похоже, без ума от вас... А если авторитет... Любовь зла. Не позволяйте им садиться себе на голову, дистанцию, держите дистанцию» [2, с. 23].

Служкин избирает противоположную тактику. Он идёт от любви к уважению. При этом к каждому у него свой подход. С ребятами, пришедшими поздравить его с днём рождения, он играет на гитаре и выпивает на лестничной клетке. Отличнице Маше показывает «сосну на цыпочках». Ненавидящего его Градусова берёт с собой в поход.

Особую часть романа составляет описание похода, в который Служкин идёт со своими учениками. Отвратительная погода, опасности и препятствия, которые нужно преодолеть, то и дело повергают героя в уныние, и он напивается на глазах своих учеников, сразу же теряющих уважение к учителю. Теперь они называют его не иначе как Географ и снимают с должности руководителя похода. Однако тактика Служкина, который не хочет поучать, а хочет дать возможность взять на себя ответственность при его незаметной поддержке и повзрослеть, приводит к тому, что постепенно, сами того не замечая, дети снова начинают называть его по имени отчеству и проявлять к нему уважение.

Следует отметить, что в сравнении со школьной прозой советского периода абсолютно иначе обрисованы ученики. В силу отсутствия ведущей идеологии общества (старая идеология разрушена, новая – не появилась) потеряны нравственные ориентиры. Дети, как уже было сказано, циничны, не видят смысла в образовании, в соответствии с веянием времени не испытывают никакого уважения к учителям, порой мстительны и примитивны, приземлённы в уровне своих притязаний, зато бывают изобретательны и изощрённы в своих издевательствах и различного рода проделках. Ярким примером чего в романе является Градусов и вся «зондер-команда» 9-В класса.

Как бы то ни было, в финале романа нравственная победа на стороне учителя. Таким образом, можно прийти к выводу, что при внешней слабости и внутренней неустроенности Служкина, авторская идея сводится к поиску положительного героя своего времени, способного пробиться сквозь стену цинизма, наглости и вседозволенности и пробудить человеческое в человеке.

Литература

1. Иванов А. Географ глобус пропил / А. Иванов. – М.: Вагриус, 2003. – 368 с.
2. Полонский Г. Доживем до понедельника. Повести / Г. Полонский. – М.: «Эксмо», 2011. – 448 с.